

УДК 81'42+821.161.1(045)

В.И. Бортников, А.В. Бортникова, А.И. Алексеевская**О РИТМАХ РЕВОЛЮЦИИ В ТЕКСТЕ НОМО SOVETICUS: ОСМЫСЛЕНИЕ
ОКтябрьского ПЕРЕВОРОТА В БЛОГЕ Б. АКУНИНА «ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ»
(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)**

Статья представляет собой продолжение комплексного анализа отражения Октябрьской революции в блоге Б. Акунина «Любовь к истории». В опоре на контексты из Google Books выделены важнейшие черты *homo soveticus*; показано, как «человек советский» разочаровался в идеалах, воспитанных в нем с детства. Один из таких идеалов интерпретируется в зеркале метафорической модели «революция – женщина». На материале блоговой записи «Любовник революции (Возрастное)» (26.09.2013) показана общетекстовая реализация данной метафоры. Выдвинуто предположение о том, что, помимо прямых отрицательно-оценочных номинаций женского образа и сопутствующей мифологизации, данная модель разворачивается на уровне структурной категории композиции и содержательных категорий темы, хронотопа и тональности. Подробный категориально-текстовый анализ позволил подтвердить данную гипотезу: революция, метафорически перевоплощающаяся в женщину, сохраняет в анализируемой записи темпоральный оттенок; занимающий же позицию темы главный герой (ее «любовник») оказывается в сложных отношениях с эпохой и в конце концов гибнет, «сгорая в пламени» собственной страсти.

Ключевые слова: Б. Акунин, блог, «Любовь к истории», революция, ритм, «человек советский» (*homo soveticus*), языковая личность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-872-881

Термин «*homo soveticus*» стал популярным и фактически вошел в научный оборот благодаря А. Зиновьеву [4]. Самое раннее же терминопотребление в зарубежной литературе, по данным Google Books и Google Ngram Viewer, отмечается двадцатью годами ранее, в 1962 г., в разделе «Book Reviews» журнала «University of Detroit. Law Journal» (№ 40, посвященный Симпозиуму по трудовому законодательству – Labour Law Symposium) [24, p. 292]. При этом контекст позволяет говорить и о еще более ранних употреблениях термина, ср.: «In his chapter on *homo soveticus* the author contrasts the socializing constructs – those models of man which are used in attaching legal consequences to individual behavior – of the civil law and Soviet systems» (дословно: «В своей главе о *homo soveticus* автор противопоставляет социализирующие конструкты гражданского права и советских систем – те модели человека, которые используются для юридического обоснования индивидуального поведения»). Перевод наш. – В. Б., А. Б., А. А.).

До 1980 г. «Самая большая библиотека в мире» (именно так позиционирует себя ресурс Google Books) фиксирует лишь четыре словоупотребления *homo soveticus*, считая процитированное. Затем наблюдается спад (1982–1985), однако во многом благодаря набирающей популярность книге А. А. Зиновьева «Гомо советикус» (первое издание в Лозанне, 1982 г.) тенденция меняется вновь в сторону устойчивого роста вплоть до 1997 г. Далее – вновь падение до 2005 г. и, уже с куда меньшей амплитудой, вновь колебания в обе стороны (рис. 1). Очевидно, термин получает свое закономерное закрепление и устойчивое использование, а соответствующее понятие наделяется характерными чертами, описанными в многочисленных работах (см. ссылки в новейшей монографии «Человек советский: за и против» [23]). Помимо названных выше, к этим чертам следует отнести постоянную двойственность: подчинение любым, даже самым абсурдным, указаниям и распоряжениям – и внутреннее несогласие с начальством, стремление напасть, навредить производству; желание на словах что-то улучшить – и отсутствие реализации этих планов на деле, боязнь ответственности; провозглашение борьбы с бюрократией, взяточничеством и пьянством – и процветание того, другого и третьего в советской действительности (см.: [3; 20; 22; 23 и др.]).

Сам *homo soveticus* не мог не осознавать эту амбивалентность уже в те годы. С наступлением же перестройки «советский человек уже не понимал, что именно он должен защищать» [23, с. 24]. Крушение идеалов «прошлого, оставившего неизгладимый след в общественном сознании» [9, с. 43], когда «власть, представавшая столько лет перед людьми в свете коммунистических ценностей, идеологии и морали, вдруг сама инициировала разрушение СССР» [23, с. 24], привело к переосмыслению

всего того, во что *homo soveticus* верил столько лет. Один из таких феноменов – Октябрьская революция. Изменение отношения к ней, метафорическое осознание этой трансформации уже было частично описано нами в статье [1] в границах моделей «революция как вежа в истории» (I) и «революция как хаос (беспорядок, разруха)» (II). Данная статья посвящена еще одной – третьей по счету – модели, обозначенной в той же работе и реализуемой блогером *borisakunin*¹ на уровне целого текста.

Google Books Ngram Viewer

Рис. 1. Частотность словоупотреблений *homo soveticus* (по данным Google Ngram Viewer)

III. Модель «**Революция как женщина**». Приведем полный текст записи [13], выделяя курсивом номинации *революции*:

«Любовник революции (Возрастное)»

Троцкий, обожавший звонкие фразы, сказал: «*Революция* избирает себе молодых любовников». Один такой Ромео, влюбившийся в *революцию* и сгоревший в пламени этой страсти, интриговал меня еще со школьных лет.

Помните повесть Алексея Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус»? Она густо населена разными неприятными персонажами, и на этом тошнотворном фоне завораживающей кометой пронесится загадочный граф Шамборен, поэт-футурист и большевистский агент, за которым гоняется в Одессе вся белая контрразведка. Он едет в Европу для того чтобы взорвать Версальскую мирную конференцию, почему-то везет в баночках с сапожным кремом восемнадцать крупных бриллиантов, «живуч, как сколопендра», палит из револьвера, но в конце концов попадает. Сцена его казни описана, как умел Алексей Николаевич – скуп и сильно: «– Стыдно, граф, – баском сверху прикрикнул ротмистр, – давайте кончать. – Тогда Шамборен кинулся к лестнице. Едва его кудрявая голова поднялась над палубой, – француз [палач] выстрелил. Шамборен покачнулся на лестнице, сорвался, и тело его упало в море».

Тогда же я прочитал, что фамилия персонажа выдуманная, но человек был реальный. Некий юный чекист французского аристократического рода, чуть ли не маркиз, сыграл важную роль в освобождении Одессы от интервентов весной 1919 года. Время от времени я вспоминал о товарище маркизе и обещал себе, что обязательно его разьясню. Собрался только сейчас. Это оказалось нетрудно, слава Интернету.

¹ Как и в первой статье, мы воздержимся от идентификации блогера *borisakunin* с реальным человеком – писателем Борисом Акуниным (он же Григорий Чхартишвили, псевдонимы А. Брусникин и А. Борисова [25, р. 199]). Следует сделать эту оговорку не только потому, что любой ник сам по себе может быть «маской» [12, с. 151], но и потому, что «художественные концепции автора никогда полностью не совпадают с его публицистическими суждениями, представленными в статьях, а также с оценками, проявленными в дневниковых записях и письмах» [17, с. 154]. Используемую в данной статье номинацию «Б. Акунин», таким образом, следует считать содержательно равной (эквивалентной) словосочетанию «блогер *borisakunin*».

Правда, про этого эфемерного человека написано много всякой сомнительной дребедени. Довольно трудно понять, что было на самом деле, а что приплетено и нафантазировано, причем давно, еще в двадцатые годы. Если заинтересуетесь – ройте дальше сами, разбирайтесь. Я расскажу коротко и без беллетризации.

Во-первых, да – он был кудрявый. Это факт.

Впрочем, А. Н. Толстой его лично знал – видел в московских богемных кафе, где этот приметный юноша («с пушистыми светлыми волосами, правильными чертами лица и горящими глазами», вспоминает Н. Равич) читал свои стихи (кажется, не выдающиеся) и поэтические переводы из Теофиля Готье – великопепные (по отзыву не кого-нибудь, а самого Мандельштама).

Настоящее имя – Георгий Лафар, он же де Лафар, он же де ла Фар, он же де ла Фер, он же Делафар (последнее имя встречается в источниках чаще всего). Титулованный он был или нет, я так и не понял. Маркизов де ля Фар во Франции вроде бы не водилось. Зато граф де ля Фер, как мы знаем, по меньшей мере один точно имелся.

Автор «Записок *контрреволюционера*» Владимир Амфитеатров пишет: «Делафар носил космы до плеч, бархатную куртку, писал стихи и уверял, будто бы он французский маркиз, потомок крестоносцев; полагаю, что крестоносцем он был наоборот: те – шли в Палестину, а он – вышел из Палестины», но это, впрочем, заблуждение типичного «контрика», который во всяком «комиссаре» подозревал сатанинское иудейское племя. На самом деле отец Георгия был обрусевший француз, инженер на военном заводе.

Как и положено юному стихотворцу, Делафар воспламенился *революцией*. Он был вообще-то не большевик, а анархист, но в ту пору два эти радикальные течения еще не враждовали между собой. Служил Георгий в ВЧК, где, невзирая на зеленые лета и поэтический темперамент, заведовал весьма серьезным отделом борьбы с банковским саботажем, а во время «Заговора послов» вел дела арестованных французских офицеров.

Из-за франкофонности молодого чекиста и откомандировали в Одессу, где высадился французский экспедиционный корпус. Большевики девятнадцатого года верили, что скоро грянет мировая *революция*, и надеялись распропагандировать иностранных солдат и матросов (что было не так уж и трудно, поскольку все устали воевать и хотели домой).

Но у графа Делафара было задание не агитаторское, а под стать титулу – он должен был вращаться в верхах. И отлично справился с поручением: близко сошелся с полковником Анри Фредамбером, по должности – начальником французского штаба, а фактически самым влиятельным человеком оккупированной Одессы.

Между прочим, этот Фредамбер – тоже интересный субъект. До галлизации его фамилия произносилась «Фрейденаберг». По некоторым сведениям, этот человек был родом из Одессы. В тогдашней французской армии, пропитанной антисемитизмом и вообще очень скупой на кинопроизводство, еврей мог стать в 42 года полковником, лишь обладая какими-то исключительными способностями. (Потом Фредамбер сделает блестящую карьеру и в начале Второй мировой войны будет командовать армией. Умрет лишь в 1975 году, почти столетним, пережив всех других деятелей нашей Гражданской войны).

Каким-то образом граф Делафар сумел настроить Фредамбера против белогвардейцев, так что в критический момент полковник настоял на эвакуации французских войск, в результате чего город был захвачен красно-зелеными. (Впоследствии за это самоуправство Фредамбер даже попал под суд). Я читал любопытные, но сомнительные байки о том, что Делафар влиял на полковника через актрису Веру Холодную или же дал ему огромную взятку (вот вам и бриллианты в сапожном креме). Не верю. Иначе всемогущий полковник как-нибудь отмазал бы своего сообщника, когда контрразведка до него все-таки добралась.

А. Н. Толстой, пересказывая беседу с белым контрразведчиком Ливеровским, которого потом вывел в «Ибикусе», описывает гибель графа Делафара следующим образом (интересно сравнить с тем, как это описано в повести): «Темной дождливой ночью Делафара везли на моторке на баржу № 4 вместе с рабочим, обвиненным в большевистской агитации, и уголовником Филькой. Первым поднимался по трапу рабочий. Конвойный, не дожидаясь, пока он поднимется на баржу, выстрелил рабочему в голову, и он скатился. Филька, пока еще был на лодке, снял с себя крест и попросил отослать по адресу. Когда же взошел на баржу, сказал — это не я, и попытался вырваться. Его пристрелили. Делафар дожидаясь своей участи в моторке, курил. Затем попросил, чтобы его не застреливали, а утопили. Делафара связали, прикрепили к доске и пустили в море. Вот и всё, что я знаю...».

Не захотел, стало быть, наш граф умирать прозаически, как рабочий и уголовник. На доске, в море. Поэт. 24 года ему было.

Какое я из этой грустной истории вывожу *moralité*?

Когда читал про романтического графа Шамборена в юности, думал: как всё это красиво. Хорошая всё-таки вещь – *революция*. Влюбила в себя множество удивительных людей, подарив каждому звездный

час, и еще больше людей обыкновенных, сделал их удивительными. Неважно сколько жить, важно – как. И прочее, соответствующее возрасту.

В нынешние же свои годы думаю: какая гадость эта ваша *революция*. Если б не заморочила юноше голову, получился бы хороший литературный переводчик, о ком твердили б целый век: N. N. прекрасный человек. Любовников ей, стерве несытой, подавай, да еще молодых, и побольше. «Скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?». И ведь сколько во все времена находилось желающих. Добро б еще ночь манила сладострастьем. А то ведь грубые лапы конвойных, пошляк ротмистр, запах мазута от грязной воды, веревки, мокрая доска...

26.09.13

Обратим внимание на ритм упоминаний *революции* в данном тексте. На 1007 слов (считая заголовки)² приходится 8 лексем с корнем *-революци-*, причем занимают они 2-ю (*революции*), 9-ю (*революция*), 19-ю (*революцию*), 364-ю (*контрреволюционера*), 434-ю (*революцией*), 506-ю (*революция*), 899-ю (*революция*), 937-ю (*революция*) позиции от начала. Схематично это распределение можно представить так:

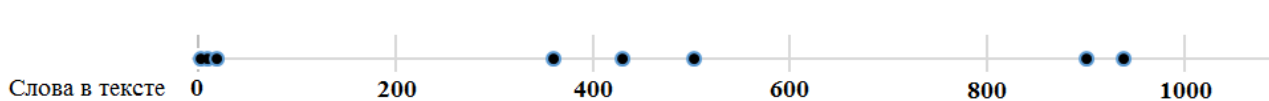

Рис. 2. Ритм употреблений лексемы *революция* и ее производных в тексте записи «Любовник революции (Возрастное)» (26.09.13) блога Б. Акунина «Любовь к истории»

Если из этого ряда отбросить позиции № 2 как заголовочную и № 364 как входящую в заголовок упоминаемой книги, то окажется возможным четко выделить три пары словоупотреблений: расположенные в композиционном блоке «интригующего начала» (про Троцкого и Ромео) №№ 9 и 19; в блоке истории Деллафара – №№ 434 и 506; и в блоке авторского вывода-антитезы №№ 899 и 937 (*в юности думал: <...> хорошая все-таки вещь – революция; В нынешние же свои годы думаю: какая гадость эта ваша революция*). В последнем случае основанием противопоставления служит именно *революция* и изменившееся отношение к ней.

Парное композиционное размещение словоупотреблений без учета №№ 2 и 364 можно представить в виде рис. 3:

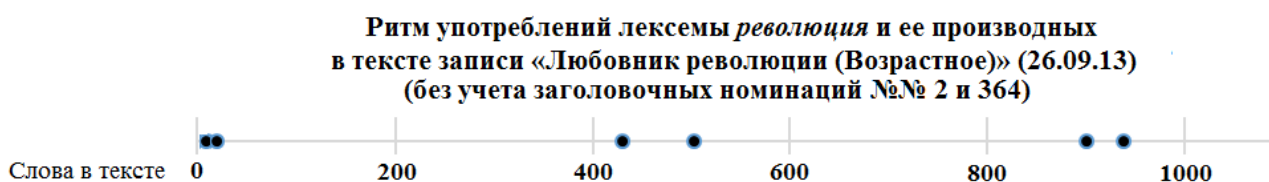

Рис. 3. Композиционно парное размещение словоупотреблений с корнем *-революци-* в тексте записи «Любовник революции (Возрастное)» (26.09.13) блога Б. Акунина «Любовь к истории»

Революция сравнивается с ненасытной женщиной, которая губит молодых людей, влюбляющихся в нее: «...*Революция избирает себе молодых любовников*». Один такой Ромео, *влюбившийся в революцию и сгоревший в пламени этой страсти*, интриговал меня еще со школьных лет. Образ сопровождается рядом отрицательно-оценочных коннотаций ('подлая', 'грубая', 'безжалостная'), ср.: *Любовников ей, стерве несытой, подавай, да еще молодых, и побольше*. Стилистически сниженная номинация *стерва* (прост. бран. 'подлый человек, негодяй' [11, с. 15]) сопровождается эпитетом *несытой* и контекстуальными уточнителями *любовников, да еще молодых, побольше*. Разговорно-сниженный и, соответственно, отрицательный оттенок высказывания усиливается предикатом *подавай* и конструкция *да еще молодых, и побольше*. Метафорический перенос сопровождается мифологизацией образа: «стерва» превращается в Клеопатру из одноименного стихотворения А. С. Пушкина

² Здесь и далее в частотно-статистический анализ текста подписи к фотографиям не включались как элементы со спорной текстовой природой. По той же причине, а также в связи с ограниченностью объема статьи в приведенной выше записи блога не сохранены графические составляющие (картинки и проч.).

(«Скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?»), однако это возвышение, привлечение амелиоративного смысла тут же сменяется смыслом пейоративным, снижением: *И ведь сколько во все времена находилось желающих. Добро б еще* ночь манила сладострастьем. *А то ведь* грубые лапы конвойных, пошляк ротмистр, запах мазута от грязной воды, веревки, мокрая доска... Противопоставление *добро б еще* – *а то ведь* дополняется возвышенной лексикой (*манила сладострастьем*) при левом члене оппозиции и сниженной (*грубые лапы, пошляк*) при правом, грамматическим противопоставлением условного и изъявительного наклонений, а также сопутствующей отрицательно окрашенной картиной описываемой сцены.

Разворачивание интересующей нас метафорической модели на общетекстовом уровне определяется, однако, именно вынесенной в заголовок номинацией *революции* (№ 2). Обратим внимание, что в словосочетании *любовник революции* эта лексема занимает подчиненную, грамматически зависимую от главного члена *любовник* позицию. Такое подавление указывает на то, что центральным персонажем повествования будет человек; субъектную тематическую линию займет именно этот любовник, объектную же – его судьба, цепочка событий [5]. *Революция* же, сохраняя прямое отношение к текстовому времени – темпоральности [6] (и, шире, к хронотопу в целом – как историческому фону, на котором действует главный герой), получает за счет указанного сочетания и вхождение в другие текстовые подсистемы: в тематическое поле и поле тональности (субъективной модальности) [14, с. 692]. Сказанное позволяет предположить возможность интерпретации анализируемой метафорической модели через посредство текстовых категорий – «сущностных содержательных компонентов текста, запрограммированных уже на этапе первичного авторского замысла» [10, с. 119].

Традиционно категориально-текстовой анализ предполагает характеристику композиции как важнейшего структурного параметра текста [8; 18] и далее обращение к триаде «тема – хронотоп – тональность» как содержательному каркасу, семантически перекрывающему основные коммуникативные линии нарратива: кто что делает – в каких условиях (когда, где) – с каким отношением (со стороны автора, персонажа, читателя [21]). Композиционное распределение лексемы *революция* в анализируемом тексте уже было описано выше; обратим внимание, как структурируется запись блога относительно контекстуального партнера революции – лексемы *любовник*.

Достаточно четко в записи выделяется вступление (*один такой Ромео*) и вводная композиционная часть, где охарактеризован литературный герой и его прототип. Если в заглавии номинация *революции* занимала грамматически зависимую от *любовник* позицию, то в первом же предложении эти лексемы меняются местами: *Революция избирает себе молодых любовников*. Такой ввод через фразу Троцкого (и сопутствующий переход от множественного к единственному числу) сопровождается антономасией (*Ромео*) и так называемыми «нулевыми» (имплицитными) номинациями при частных оборотах: *О влюбившийся в революцию и О сгоревший в пламени этой страсти*. Этой фразой закрепляется грамматическая зависимость *революции* от *любовника*, заданная в заголовке; фактически же *любовник* оказывается жертвой революции (точнее, жертвой страсти к ней, ср. задаваемую здесь же архетипическую метафору женщины-губительницы [16, с. 160]).

Уже во вводной композиционной части описана смерть *любовника революции* – правда, на страницах литературного произведения. Рассмотрим экспликацию тематической цепочки («ряда семантически тождественных номинаций предмета речи» [15, с. 192]): *граф Шамборен – поэт-футурист – большевистский агент – (за) которым – он – его – граф – Шамборен – его – Шамборен – его*. Последние пять номинаций приходятся на цитату из повести А. Толстого, первые шесть – на пересказ предшествующих событий. Начало приведенного ряда содержит характеристику персонажа и потому лишено ритмичности. Цепочка приобретает ритмичность именно в зоне цитирования: номинация *граф Шамборен* расщепляется на *граф* и *Шамборен*; последняя, чередуясь с местоимением-субститутом *его*, и завершает приведенный Б. Акуниным фрагмент «Похождений Невзорова».

Переход к прототипу Шамборена осуществляется посредством следующих номинаций: *персонажа – человек (реальный) – некий юный чекист французского аристократического рода – чуть ли не маркиз – (о) товарище маркизе – его – этого эфемерного человека*. Если рассматривать состав данной цепочки в русле семантической классификации [7], т. е. разграничивать номинации базовые и дополнительные, а в границах дополнительных выделять лексически новые, субституты и трансформы (см. также: [2, с. 56]), то почти каждая номинация в выделенном ряду окажется лексически новой. Формируется тематическое поле *любовника революции*, в составе которого ряд элементов обнаруживает пересечения и с самой революцией: *большевистский (агент), чекист, товарищ (маркиз)*. По-

следняя оксюморонная номинация характеризует переход из *маркизов* в *товарищи* и, таким образом, приобретает не только темпоральную, но и эмоциональную окрашенность.

К базовой номинации – имени персонажа автор-блогер подходит не спеша, сохраняя интригу. До обозначения *Георгий Лафар* в тексте записи содержатся еще номинации *он – его – этот приметный юноша* (последняя также сочетает тематический и тонально окрашенный компоненты). Далее следует целый абзац, посвященный именам: *Георгий Лафар – де Лафар – де ла Фар – де ла Фер – Делафар*. Цепочка на этот раз заканчивается трансформом «единственное → множественное» (*маркизов де ля Фар*) и аллюзионным упоминанием *графа де ля Фер* (Атоса из романов А. Дюма).

Номинация *Делафар* (*граф Делафар*) закрепляется в границах дальнейшего повествования. Происходит этот выбор, по-видимому, в силу прецедентности, поскольку и В. Амфитеатров, и А. Н. Толстой, цитируемые Б. Акуниным в продолжение нарратива, пользуются именно этим обозначением, да и сам автор borisakunin говорит в скобках в подтверждение своего выбора: *последнее имя встречается в источниках чаще всего*. Любопытно, что из 10 случаев употребления фамилии *Делафар* (по частотности эта номинация уступает лишь местоименным субститутам *он* в различных формах и нулевым номинациям) на цитируемые фрагменты приходится 4: одна на Амфитеатрова и три на Толстого. Оставшиеся 6 – ровно столько же, сколько *революция!* – употребляет сам Б. Акунин в позициях №№ 320, 432, 531, 645, 688 и 742 от начала (если считать с заголовком). Чередование свернутого и развернутого трансформов создают очевидный ритм: *Делафар – Делафар – графа Делафара – граф Делафар – Делафар – графа Делафара*.

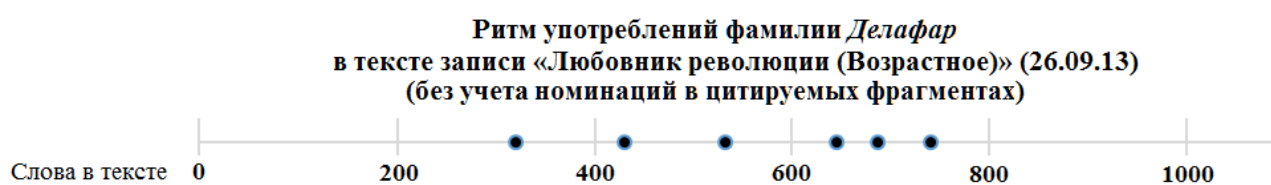

Рис. 4. Ритм употреблений фамилии *Делафар* в тексте записи «Любовник революции (Возрастное)» (26.09.13) блога Б. Акунина «Любовь к истории»

Сопоставление рис. 4 (употреблений фамилии *Делафар*) с рис. 2 и 3 (употреблений лексемы *революция* и ее производных) показывает не парное, а скорее, тернарное распределение базовых номинаций *любownika революции* в исследуемом тексте. На графике (рис. 4) видно, что первые три номинации отстоят друг от друга на более значительном расстоянии, чем вторые три. Объясняется это, по-видимому, тем, что между первым (уже приводившееся выше *он же Делафар*) и вторым (*Делафар воспламенился революцией*) словоупотреблениями композиционно размещено не только обсуждение имени персонажа, но и цитата из Амфитеатрова, также содержащая данную фамилию. Кстати, второй случай из выделенных шести (№ 432) – единственный минимальный контекст, где фамилия *Делафар* употреблена в сочетании с *революцией*. Между вторым и третьим словоупотреблениями обнаруживаем достаточно разнообразный отрезок тематической цепочки: *он – не большевик – анархист – Георгий – молодого чекиста*; там же следует отступление про *большевиков девятнадцатого года и... мировую революцию* (на этот раз не соседствующую с *Делафаром* и иными его обозначениями).

После значительного перерыва на *Фредамбера-Фрейденберга*, второго и второстепенного персонажа анализируемой записи, в тексте появляются – на этот раз куда более плотно – еще три обозначения *Делафара* по имени. Цепочка как будто сжимается, стремительно приближая конец главного героя: дважды упоминания следуют в связи с *Фредамбером* (последнего называют по имени также дважды, а еще три раза – просто *полковником*) и один раз – в связи с гибелью, на этот раз реальной: *А. Н. Толстой <...> описывает гибель графа Делафара следующим образом (интересно сравнить с тем, как это описано в повести)...* Любопытно, что после последней цитаты из повести А. Н. Толстого Б. Акунин ни разу не называет Делафара по фамилии. Гибнет человек – исчезает из текста и его фамилия.

Отметим также, что оним *Делафар* как бы намеренно исключается из ближайших к прямым номинациям *революции* контекстов. Сопоставление рис. 3 и 4 показывает, что, если не считать уже упомянутой завязки (*Как и положено юному стихотворцу, Делафар воспламенился революцией*), данные лексемы размещаются в тексте принципиально не рядом. Две пары *революции*, напомним,

расположены в начале (№№ 9 и 19) и в конце (№№ 899 и 937). Базовые номинации *Делафара*, наоборот, отсутствуют в диапазоне 0–200 и 800–1007. Идея того, что персонаж находится с *революцией* именно в *любовных* отношениях (не муж, не друг, не приятель, а именно *любовник революции*), подерживается, как видим, и на композиционно-тематическом уровне.

Роль категорий локативности и тональности в анализируемой записи представляется вспомогательной. Текстовое пространство оказывается безусловно подчинено темпоральности (*революции*) и реализуется в основном точечно: *граф Шамборен <...>, за которым гоняется в Одессе вся белая контрразведка; Он... почему-то везет в баночках с сапожным кремом восемнадцать крупных бриллиантов; А. Н. Толстой его лично знал – видел в московских богемных кафе*. Именно *Одесса* (локация) становится зоной деятельности главного героя; описываемые события происходят в *революционной Одессе* (хронотоп), поэтому данный топоним повторяется в тексте 5 раз – на одно упоминание меньше, чем *революция* и *Делафар*. Любопытно, что при описании взаимоотношений Делафара и Фредамбера Б. Акунин вспоминает про баночки, упомянутые в начале записи: *Я читал любопытные, но сомнительные байки о том, что Делафар влиял на полковника через актрису Веру Холодную или же дал ему огромную взятку (вот вам и бриллианты в сапожном креме)*. Данный повтор можно интерпретировать как образуемое локативами кольцо; это кольцо условно обозначим как малое на фоне кольца основного, композиционного, кольца, если можно так выразиться, «смертельного» – гибели Делафара в начале (под маской Шамборена) и в конце (без маски).

Тональность, или текстовая модальность [14, с. 692], также оказывается подчинена композиции, служащей, как было показано выше, «формой выражения и развития темы» [19, с. 57]. В «интригующем» вступлении внимание читателя к графу Шамборену приковывается в том числе благодаря контрастным эпитетам: *повесть Алексея Толстого <...> густо населена разными неприятными персонажами, и на этом тошнотворном фоне завораживающей кометой пронесется загадочный граф Шамборен*. «Точечные включения» тональности, свойственные публицистическому стилю [10, с. 265], представлены эпитетами и далее: *про этого эфемерного человека написано много всякой сомнительной дребедени; читал свои стихи (кажется, не выдающиеся) и поэтические переводы из Теофиля Готье – великолепные (по отзыву не кого-нибудь, а самого Мандельштама); невзирая на зеленые лета и поэтический темперамент, заведовал весьма серьезным отделом борьбы с банковским саботажем*. Модальность сомнительности по отношению к ряду фактов блестяще сочетается с модальностью восхищения деятельностью главного героя – и, конечно, сожаления по поводу его гибели.

Мощный эмоциональный выброс, сопровождаемый риторическим вопросом *Какое я из этой грустной истории вывожу moralité?*, отражает изменение отношения homo soveticus к Октябрьской революции. В юности, которая приходилась на советское время, писатель-блогер, как и все остальные советские люди, относился к революции позитивно. *Когда читал про романтического графа Шамборена в юности, думал: как всё это красиво. Хорошая все-таки вещь – революция*. Однако в нынешние же свои годы автор думает: *какая гадость эта ваша революция*. Поддерживается эта трансформация, отражающая в целом крушение социалистических идеалов, и подзаголовком *Возрастное*: это указание и на гибель молодых в пламени революции, и на трансформацию авторского отношения к революции со временем (*в юности – в нынешние годы*).

Акцент на финальных словах (ср. ассоциирование с *любовником* в уже приводившейся цитате *Добро б еще ночь манила сладострастьем...*), подтверждающий развенчание революционных идеалов, усиливается за счет интеграции всех содержательных категорий, привлеченных нами к анализу: темы, хронотопа и тональности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бортников В. И., Бортникова А. В., Алексеевская А. И. О ритмах революции в тексте homo soveticus: осмысление октябрьского переворота в блоге Б. Акунина «Любовь к истории» (статья первая) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27. № 5. С. 683–692.
2. Бортников В. И. Лингвистический анализ текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 112 с.
3. Гества К. Советский человек. История одного собирательного понятия // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1-2 (126). С. 58–75.
4. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. М.: Моск. рабочий, 1991. 414 с.

5. Исакова Е. А., Михайлова О. А. Текстовая категория «событие» в современном репортаже // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3 (189). С. 81–91.
6. Ицкович Т. В. Категория времени в современном православном житии (на материале житий Екатеринбургской епархии) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 25–28.
7. Ицкович Т. В., Чэн Ц. Метафора в жанре очерка: категориально-текстовый аспект (на материале очерков В. М. Пескова) // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 596–599.
8. Келер А. И. Категория композиции в молитвенном тексте // *Litera*. 2021. № 7. С. 37–46.
9. Купина Н. А. Позднесоветская повседневность глазами очевидцев: уроки прошлого // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 42–51.
10. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2020. 415 с.
11. Леонтьева Т. В. К семантике и этимологии рус. *мымра* // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1 (218). С. 10–16.
12. Литовская Е. В. Речевая маска кулинарного блогера // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 151–154.
13. Любownik революции. (Возрастное) [Электронный ресурс]. URL: <https://borisakunin.livejournal.com/111573.html> (дата обращения: 30.05.2022).
14. Матвеева Т. В. Тональность текста // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 692–694.
15. Матвеева Т. В., Ширинкина М. А. Переписка граждан с исполнительной властью: коррелятивный текстовый анализ // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 190–202.
16. Мельникова А. В. Типология женских образов в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 155–163.
17. Подшивалова Е. А. Историческое размышление в творчестве А. Блока последних лет // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2008. № 5-3. С. 151–166.
18. Попова А. И. Личная молитва: особенности композиционной структуры // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика: направления и тенденции современных исследований: материалы II Всероссийской заочной научной конференции / отв. ред. А. В. Курочкина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. С. 155–156.
19. Рядовых Н. А. Особенности композиции жанра акафиста (на материале «Акафиста святым царственным страстотерпцам») // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 56–62.
20. Согомонов А. Ю. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 182–184.
21. Турьшева О. Н. Прагматика художественной словесности как предмет литературного самосознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 48 с.
22. Фокин А. А. «Советский человек» одновременно существует и не существует // Новое прошлое / *The New Past*. 2021. № 4. С. 238–247.
23. Человек советский: за и против / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 412 с.
24. O'Connor D. Soviet Legal Institutions // *University of Detroit. Law Journal*. December 1962. Volume XL. No. 2. P. 289–293.
25. Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Snigirev A. V. The Pseudonymous Code of G. Chkhartishvili // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2018. Т. 17. № 4. С. 197–205.

Поступила в редакцию 12.02.2022.

Бортников Владислав Игоревич, кандидат филологических наук, доцент
E-mail: octahedron31079@mail.ru

Бортникова Алена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
E-mail: le_name@mail.ru

Алексеевская Александра Ивановна, бакалавр лингвистики, переводчик-фрилансер
E-mail: sasha.alexeevskaya@gmail.com

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51

V.I. Bortnikov, A.V. Bortnikova, A.I. Alekseevskaya

ON THE RHYTHMS OF REVOLUTION IN THE TEXT OF HOMO SOVETICUS: UNDERSTANDING OCTOBER REVOLUTION IN B. AKUNIN'S BLOG "LOVE OF HISTORY" (ARTICLE 2)

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-872-881

The article continues to comprehensively analyze the reflection of the October Revolution in B. Akunin's blog *Love of History*. With the help of the contexts from Google Books, the most important features of *homo soveticus* are distinguished; the authors show how the *Soviet man* became disillusioned with the ideals brought up in him from childhood. One of these ideals is interpreted within the metaphorical model "revolution as a woman". Based on the material of the blog entry "Lover of the Revolution (Age-Written)" (26.09.2013), the general text implementation of this metaphor is shown. It has been suggested that, in addition to direct negative evaluation nominations of the female image and the accompanying mythologization, this model appears at the levels of the categories of composition, theme, chronotope, and tonality. A detailed categorical analysis made it possible to confirm this hypothesis: the revolution, metaphorically displayed as a woman, retains a temporal connotation in the analyzed entry; the main character, who occupies the position of the theme (its "lover"), comes to be in a difficult relationship with the revolutionary epoch and eventually dies, "burned in the flames" of his own passion.

Keywords: B. Akunin, blog, "Love of History", revolution, rhythm, *homo soveticus*, linguistic identity.

REFERENCES

1. Bortnikov V. I., Bortnikova A. V., Alekseevskaya A. I. O ritmah revoljucii v tekste homo soveticus: osmyslenie oktyabr'skogo perevorota v bloge B. Akunina «Lyubov' k istorii» (stat'ya pervaya) [On the Rhythms of Revolution in the Text of Homo Sovieticus: Understanding October Revolution in B. Akunin's Blog "Love of History" (Article 1)] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. 2017. T. 27. № 5. P. 683–692. (In Russian).
2. Bortnikov V. I. Lingvisticheskij analiz teksta [Linguistic Text Analysis]. Ekaterinburg: Ural University Press, 2020. 112 p. (In Russian).
3. Gestva K. Sovetskij chelovek. Istoriya odnogo sobiratel'nogo ponyatiya [Soviet Man. The History and Ambivalence Surrounding a Collective Singular Form] // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii. 2018. № 1-2 (126). P. 58–75. (In Russian).
4. Zinov'ev A. A. Gomo soveticus. Para bellum [Homo Sovieticus. Para Bellum]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1991. 414 p. (In Russian).
5. Isakova E. A., Mihajlova O. A. Tekstovaya kategoriya «sobytie» v sovremennom reportazhe [The "Event" Text Category in Contemporary Reportage] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2019. Vol. 25. № 3 (189). P. 81–91. (In Russian).
6. Ickovich T. V. Kategoriya vremeni v sovremennom pravoslavnom zhitii (na materiale zhitij Ekaterinburgskoj eparhii) [The Category of Time Correlation in the Contemporary Orthodox Hagiography (Based on the Materials on Yekaterinburg Eparchy Hagiographies)] // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 3. P. 25–28. (In Russian).
7. Ickovich T. V., Cheng C. Metafora v zhanre ocherka: kategorial'no-tekstovoj aspekt (na materiale ocherkov V. M. Peskova) [Metaphor in the Essay Genre: Categorical Textual Aspect (Based on V. M. Peskov's Essays)] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2020. № 2 (41). P. 596–599. (In Russian).
8. Keler A. I. Kategoriya kompozicii v molitvennom tekste [Category of Composition in the Prayer] // Litera. 2021. № 7. P. 37–46. (In Russian).
9. Kupina N. A. Pozdnesovetskaya povsednevnost' glazami ochevidcev: uroki proshlogo [Late Soviet Everyday Life through the Witnesses' Eyes: Lessons from the Past] // Politicheskaya lingvistika. 2022. № 2 (92). P. 42–51. (In Russian).
10. Kupina N. A., Matveeva T. V. Stilistika sovremennogo russkogo yazyka [Stylistics of the Modern Russian Language]. M.: Yurajt, 2020. 415 p. (In Russian).
11. Leont'eva T. V. K semantike i etimologii rus. mymra [About Semantics and Etymology of Russ. mymra] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2011. № 1 (218). P. 10–16. (In Russian).
12. Litovskaya E. V. Rechevaya maska kulinar'nogo blogera [Speech Mask of a Food Blogger] // Filologiya i kul'tura. 2014. № 4 (38). P. 151–154. (In Russian).
13. Lyubovnik revoljucii. (Vozrastnoe) [Lover of the Revolution (Age-Written)]. URL: <https://borisakunin.livejournal.com/111573.html> (date of access: 30.05.2022). (In Russian).
14. Matveeva T. V. Tonal'nost' teksta [Text Tonality] // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik / pod red. A. P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk, 2014. P. 692–694. (In Russian).

15. Matveeva T. V., Shirinkina M. A. Perepiska grazhdan s ispolnitel'noj vlast'yu: korrelyativnyj tekstovoj analiz [Correspondence between Citizens and Executive Power: Correlative Text Analysis] // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. № 1. P. 190–202. (In Russian).
16. Mel'nikova A. V. Tipologiya zhenskikh obrazov v maloj proze D. N. Mamina-Sibiriyaka 1880-h gg. [Women's Images in D. N. Mamin-Sibiriyak's 1880s Flash Fiction: A Typology] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2012. № 4 (108). P. 155–163. (In Russian).
17. Podshivalova E. A. Istoriiosofskie razmyshleniya v tvorchestve A. Bloka poslednih let [The Poem The Twelve in the Context of Historiosophical Reflections of A. Blok] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 2008. № 5-3. P. 151–166. (In Russian).
18. Popova A. I. Lichnaya molitva: osobennosti kompozicionnoj struktury [Personal Prayer: Features of the Compositional Structure] // *Literaturovedenie, lingvistika i kommunikativistika: napravleniya i tendencii sovremennykh issledovaniy: materialy II Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii / otv. red. A. V. Kurochkina*. Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2018. P. 155–156. (In Russian).
19. Ryadovyh N. A. Osobennosti kompozicii zhanra akafista (na materiale «Akafista svyatym carstvennym strastotercam») [Features of the Composition of the Akathist Genre (Based On “Akathist to the Holy Royal Passion-Bearers”)] // *Cerkov'. Bogoslovie. Istoriya*. 2020. № 1. P. 56–62. (In Russian).
20. Sogomonov A. Yu. Sovetskij prostoj chelovek: opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h [Soviet Common Man: The Experience of a Social Portrait at the Turn of the 90s] // *Sociologicheskij zhurnal*. 1994. № 1. P. 182–184. (In Russian).
21. Turysheva O. N. Pragmatika hudozhestvennoj slovesnosti kak predmet literaturnogo samosoznaniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Pragmatics of Artistic Literature as a Subject of Literary Self-Awareness: Doctor's Thesis Abstract]. Ekaterinburg, 2011. 48 p. (In Russian).
22. Fokin A. A. «Sovetskij chelovek» odnovenno sushchestvuet i ne sushchestvuet [“The Soviet Man” Exists and Does Not at the Same Time] // *The New Past*. 2021. № 4. P. 238–247. (In Russian).
23. Chelovek sovetskij: za i protiv [Homo Sovieticus: Pro et Contra] / eds Yu. V. Matveeva, Yu. A. Rusina. Ekaterinburg: Ural University Press, 2021. 412 p. (In Russian).
24. O'Connor D. Soviet Legal Institutions // *University of Detroit. Law Journal*. December 1962. Volume XL. No. 2. P. 289–293. (In English).
25. Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Snigirev A. V. The Pseudonymous Code of G. Chkhartishvili // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2018. Vol. 17. № 4. P. 197–205. (In English).

Received 12.02.2022

Bortnikov V.I., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: octahedron31079@mail.ru

Bortnikova A.V., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: octahedron31079@mail.ru

Alekseevskaya A.I., Bachelor of Linguistics, Freelance Translator
E-mail: sasha.alexeevskaya@gmail.com

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Lenina ave., 51, Ekaterinburg, Russia, 620083